

В. Г. Белинский

Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки

Виссарион Белинский

**Святочные вечера, или
Рассказы моей тетушки**

«Public Domain»

1836

Белинский В. Г.

Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1836

«...По этой пьесе могут понять, почему «Святочные вечера» так удивили нас. Здесь виден если не талант, то зародыш таланта. Мы выписали не лучшую, а кратчайшую пьесу. Автор, очевидно, не большой грамотей, еще новичок в своем деле; и оттого его язык часто в разладе с правилами, часто в его рассказах встречаются обмолвки против характера простодушия, который он на себя принял; он прикидывается простым человеком, хочет говорить с простыми людьми, ... Но несмотря на всё это, какое соединение простодушия и лукавства в его рассказе; какая прекрасная мысль скрывается под этою русско-простонародно-фантастическою формою!...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Виссарион Григорьевич Белинский

Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки

Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки. Москва. В типографии М. Пономарева. 1835. Две книжки: I – 65; II – 50. (12).¹

Чудно устроен белый свет, как подумаешь! Не напрасно говорит русская пословица: «По платью встречают, по уму провожают!» Вот катится по звонкой мостовой великолепная карета, которую мчит, как ветер, шестерня лихих лошадей; форейтор кричит громко «пади»; сановитый кучер с окладистой бородой ловко правит рьяными бегунами; две длинные статуи в ливреях горделиво стоят назади; треск, гром, пыль; мелкие экипажи сворачивают, прохожие бегут. И что ж? – Вы думаете, там, за полированными стеклами, на сафьянных подушках, сидит какое-нибудь божество, доблесть, слава, гений?.. Нет! там часто зевает пресыщенное честолюбие, самолюбивая глупость, дряхлое ничтожество, которое не стоит сбруи, дешевле позолоты! – А вот мчится легкая, воздушная коляска на паре вороных; мостовая с дробным ропотом вырывается из-под ней; Аполлон, светозарный бог искусств, с охотой променял бы ее на свою дрянную колесницу в древнем вкусе; в ней сидят мужчина и женщина: вы думаете, это чета влюбленных, упивающаяся всею роскошью, всем избытком и душевных и вещественных благ, чета, дышащая атмосферою из радостей, восторгов и наслаждений жизни?.. Нет, это не то, это лохматая борода, черные зубы, слои белил и румян, это барыш и торговля, обман и бессовестие, словом, это те же лыки, те же мочала, только в позолоте другого рода, это та же ветошь, тот же отсед жизни, только под лаком другого цвета! Куда ж обратиться? Где искать и находить без ошибки, без разочарования? – Э, постойте! вот едет, или, лучше сказать, вот ползет на смиренной кляче какая-то умиленная фигура, с свертком бумаг в руке, в одежде служителя Фемиды. Пойдем к нему, поговорим с ним. Может быть, это один из тех людей, которые могли бы ездить в карете, но ездят на калибере, потому что мысль и чувство всегда предпочитали общественному мнению, а долг человека и христианина мишурным výhodам жизни, которые в сознании своего человеческого достоинства находят для себя достаточное вознаграждение за все лишения и страдания, добровольно ими на себя наложенные?.. О нет! это просто подъячий, человек, который никогда и не думал ни о чувстве, ни о мысли, ни о долге, ни о человеческом достоинстве; чувство всегда полагал он в сытном обеде и рюмке водки, мысль для него заключалась в удобствах жизни, долг в повторении нескольких пошлых правил, затверженных им с юности, а человеческое достоинство в чине коллежского асессора и выгодном месте; едет он на калибере из трактира, где его угощал по силе возможности, чем бог послал, усердный проситель... Но я вижу, мы несчастливы во всех наших наблюдениях над разъезжающими на лошадях: попытаем счастья над пешеходами. Вот стоит нищий: подойдем к нему, скажем ласковое слово, подадим копейку – он наш брат по Христе; узнаем, почему он нищий, зачем он нищий. Может быть, это одна из тех горделивых и непреклонных душ, которая хочет или всего, или ничего, один из тех крепких и гордых кедров человечества, которые, стоя на величайшей вершине мысли и чувства, могут скорее переломиться, нежели погнуться от бури несчастья; один из тех людей, который любил людей, хотел им добра, требовал от них сочувствия и, не получив его, захотел жить на их счет, ничего не делая им, презирая и их хвалой и их осуждением; или, может быть, это человек выстрадавший, падший под бременем несчастья, для которого нет ни добра ни зла, ни чести ни бесчестия, ни гордости ни унижения, живой автомат, в котором не погас один инстинкт жизни и разве сознание своей нравственной смерти; или, может быть, это одно из тех дивных существ, которых называют дервишами, юродивыми, для которых нет на земле ни отечества, ни родных, ни благ, ни горестей, ни радости, которые не

умеют трех перечесть и знают, что нас ждет за гробом, словом, один из этих великих поэтов, которые не пишут в жизнь свою ни одной строки и которые, тем не менее, великие поэты? – Нет – всё не то: это просто разврат, прикрытый лохмотьями, живая спекуляция на сострадание и милосердие ближних, леность, прикрываемая гримасою убожества и несчастья! – Где ж люди-то? В чем же они ездят, как они ходят, во что одеваются? Где ж люди? – Везде и нигде, если хотите; иногда и в каретах, иногда и в рубище на перекрестке. Везде: только помните, что это явления необыкновенные, редкие, исключительные. «Бочка дегтю, ложка меду»: вот вам великий мировой закон в пошлой форме!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.